

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Олег ТАРАСОВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

This article is devoted to the analysis of international legal personality of INGO through the issue of international legal personology as the brand new course of legal researches. The author makes the conclusion about a complemented character of international legal personality of INGO which act in international legal order due to their statute functions as original subjects of national law, have personative legal form of national legal body.

Key words: international legal personality, subject of international law, international non-governmental organization, international legal personology.

Аннотация

Статья посвящена анализу международной правосубъектности МНПО с позиций международно-правовой персонологии как нового направления юридических исследований. Делается вывод о комплементарном характере международной правосубъектности МНПО, которые действуют в пределах международного правопорядка в рамках своих уставных функций как оригинальные субъекты национального права, обладающие персонативной правовой формой национального юридического лица.

Ключевые слова: международная правосубъектность, субъект международного права, международная неправительственная организация, международно-правовая персонология.

Постановка проблемы. Определение круга субъектов международного права (далее – МП) является одной из сложнейших проблем современной доктрины МП [1, с. 1–44; 2, с. 5–28]. Среди многочисленных участников международных правоотношений особое место занимают международные неправительственные организации (далее – МНПО), юридическая природа которых остается до сих пор дискуссионной.

Актуальность темы исследования. На рубеже веков значительно возросла роль МНПО как институтов международного гражданского сообщества, в том числе усилилось влияние на международные правотворческие и правоприменительные процессы. Деятельность МНПО способна значительно повысить эффективность работы международных межправительственных организаций (далее – ММПО) и конференций, а также поддержать инициативы отдельных государств по укреплению международного мира и безопасности.

Состояние исследования. Международно-правовому статусу МНПО уделяли свое внимание такие зарубежные исследователи, как М. Абрахам, Р. Бен-Ари, П.-М. Дюпуи, Дж. Клабберс, Н. Леро, А.-К. Линдблом, Е. Парриотти, Е. Ребасти, И. Росси, С. Шарнович и др. Среди советских авторов следует назвать Е.А. Коровина,

В.В. Кравченко, Г.И. Морозова, Н.Н. Ульянову, Е.А. Шибяеву и др. На постсоветском пространстве этой проблематикой занимаются исследователи: И.О. Белорус, Т.М. Быкова, В.М. Лысык, И.Б. Малкина, Т.Д. Матвеева, Т.Н. Нешатаева, С.А. Подшибякин, А.В. Ткаченко, Д.А. Урсин, Д.Ю. Шестаков и др. Однако нормоцентристский подход не позволяет в полной мере раскрыть персонативную природу МНПО как субъектов МП.

Целью и задачей статьи является рассмотрение международной правосубъектности МНПО с позиций международно-правовой персонологии [3, с. 202] как нового направления юридических исследований.

Изложение основного материала. Первая персонологическая проблема, с которой сталкивается исследователь юридической природы МНПО, касается институализации МНПО как социального актора и субъекта национального права. Являясь институтом мирового гражданского сообщества и ставя своей целью развитие именно международного сотрудничества, МНПО, тем не менее, учреждаются в рамках национального правопорядка как национальные юридические лица. Изначально создается несоответствие между международными целями и задачами МНПО, а также международным составом членов общественной

организации (международным по своей социальной природе актором), и ограниченностью национально-правового регулирования международных отношений (национально-правовой формой закрепления правового статуса). Национальный правопорядок в первую очередь регулирует общественные отношения в рамках отдельного социума и лишь отчасти касается международных отношений. В условиях демократического режима, в принципе, государство не вмешивается в сферу гражданского общества и, предоставив статус национального юридического лица, практически не препятствует какой-либо правомерной международной деятельности любых неправительственных организаций (международных, общенациональных, региональных, местных). В условиях нестабильных политических режимов переходного характера, авторитарных и тоталитарных режимов говорить о гарантиях национальной правосубъектности МНПО весьма проблематично. Односторонним запрещением деятельности МНПО на национальном уровне государство способно юридически уничтожить участника международных правоотношений. Таким образом, начиная с момента возникновения, МНПО как международный социальный актор действует как субъект лишь национального права с персонативной

правовой формой национального юридического лица. Это приводит к тому, что именно национальное право в первую очередь определяет порядок осуществления международной деятельности МНПО со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями.

Вторая методологическая проблема касается институализации МНПО уже как субъекта МП. Международный правопорядок принципиально не ограничивает круг своих субъектов, предоставляя возможность осуществлять любую правомерную деятельность всем существующим правовым лицам. При этом оригинальные международно-правовые лица изначально возникают как субъекты МП со своим международно-правовым статусом и персонативной международно-правовой формой, а национально-правовые лица требуют специальной международно-правовой имплементации своей персонативной национально-правовой формы и национально-правового статуса. Если для науки МП традиционной проблемой всегда была имплементация норм МП в национальный правопорядок, то тут открывается широкое поле для нового направления международно-правовых исследований – имплементация норм национального права, а также национально-правовых лиц в международный правопорядок. По мере того, как глобализация и гуманизация охватывают всё более широкие сферы человеческой деятельности, данное явление будет всё более настойчиво требовать к себе внимания специалистов по международному и национальному праву.

При имплементации в международный правопорядок инносистемных правовых феноменов возникает проблема соотношения международно-правовой и национально-правовой (персонативной, нормативной и коммуникативной) формы и содержания. Исходя из первой аксиомы правовой персонологии, субъект права должен быть обязательно социальным актором. Для МНПО данная проблема решается положительно, так как этот социальный актор изначально учреждается для участия в международных отношениях и является международным по своему членскому составу. Вторая аксиома правовой персонологии указывает на необходимость наличия у социального актора особой персонативной правовой формы. На-

личие статуса национального юридического лица позволяет идентифицировать МНПО лишь в качестве субъекта национального права.

Таким образом, проблема международно-правовой имплементации возникает с персонативной национально-правовой формой МНПО. Чтобы функционировать в рамках международно-правовой системы любой правовой феномен обязательно должен обладать своей международно-правовой формой. Вне международно-правовой формы какое-либо персонативное, нормативное или коммуникативное явление будет находиться вне поля зрения МП. Его будет невозможно идентифицировать с международно-правовой точки зрения, «разглядеть» на фоне международно-правового ландшафта, выделить из международно-правовой реальности как отдельное явление. При этом МНПО не может лишиться своей персонативной национально-правовой формы, так как тогда МНПО перестанет существовать не только как субъект национального права, но и как социальный актор. Следовательно, для того, чтобы быть включенным в международно-правовую реальность, персонативная национально-правовая форма должна получить дополнительную (комплементарную) персонативную международно-правовую форму. Комплементарный (дополнительный, факкультативный) характер международно-правовой персонативной формы тут обусловлен тем, что её исчезновение не ведет к прекращению существования МНПО как субъекта национального права и как социального актора. Благодаря сохранению оригинальной персонативной правовой формы национального юридического лица МНПО могут продолжать действовать как субъекты отечественного или иностранного (национального) права. В том числе вступать в международные отношения, которые регулируются в определенной степени и национальным правом. Однако для полноценного осуществления своих уставных полномочий МНПО все же необходимо обладать хотя бы минимальным международно-правовым статусом. Современное МП уже содержит целый ряд возможностей, которыми могут воспользоваться МНПО для осуществления международно-правовой деятельности.

Например, основой для деятельности всех МНПО служит международное обычное право на свободу ассоциаций, получившее свое отражение в целом ряде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН (ст. 20 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., ст. 5 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы от 9 декабря 1998 г. и др.) и международных договоров (ст. 15 Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 г., ст. 15 Конвенции о статусе апатридов от 28 сентября 1954 г., ст. 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г., ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г., ст. 2 Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него от 30 ноября 1973 г., ст. 7 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г., ст. 15 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. и др.) [4, с. 36–63]. Международный комитет Красного Креста (далее – МККК) и иные гуманитарные МНПО руководствуются в своей деятельности как обычным, так и договорным международным гуманитарным правом. Международно-правовой статус правозащитных МНПО определяется обычными и договорными нормами международного права прав человека и др.

Среди международных договоров особое место занимают учредительные акты ММПО, предусматривающие сотрудничество с МНПО в рамках консультативных отношений (ст. 71 Устава ООН, ст. 71 Устава ВОЗ, ст. 11 Устава ЮНЕСКО, п. 3 ст. 12 Устава МОТ, ст. 13 Устава ФАО, ст. 41 Устава Интерпола и др.), и принятые на их основе соответствующие резолюции ММПО [5]. Кроме того, правовой статус МНПО определяется правилами процедуры различных органов ММПО. Например, правилами процедуры ЭКОСОС (глава 13) и функциональных комиссий ЭКОСОС (глава 13), ЮНКТАД (глава 14) и Совета ЮНКТАД (глава 15), Всемирной

ассамблеи здравоохранения (ст. 22) и исполкома ВОЗ (ч. 2 ст. 4), Генеральной конференции ЮНЕСКО (ст. 68) и др.

Для определения международного правового процессуального статуса МНПО все большее значение приобретает деятельность международных судебных и арбитражных органов [6]. Так, ст. 15 (2) и 44 (4) Статута Международного уголовного суда, ст. 18 Статута Международного трибунала по бывшей Югославии, ст. 17 (1) Статута Международного трибунала по Руанде и правила процедуры международных судебных органов предусматривают возможность участия МНПО в качестве «друзей суда» (*amicus curiae*). Международный арбитраж между «Гринпис» и Францией был первым в истории МП, когда МНПО была стороной международного арбитражного процесса наравне с государством, и на основании решения от 2 октября 1987 г. получила компенсацию в размере 8,159 млн дол. США [7, с. 924].

Среди международно-правовых актов следует также назвать Европейскую конвенцию о признании правосубъектности МНПО от 24 апреля 1986 г. [8]. Актуальным является право обращения за защитой нарушенных прав в Европейский Суд по правам человека, а также право петиции в рамках ООН, МОТ, ЮНЕСКО, Всемирного Банка, Европейской социальной хартии, Охрусской Конвенции о доступе к информации, участие общественности в принятии решений и доступе к правосудию, касающимся окружающей среды, от 25 июня 1998 г. (ст. 2, 15), Североамериканскому соглашению по экологическому сотрудничеству от 14 сентября 1993 г. (ст. 14, 45 (1)) и др. [9, с. 134–510].

Следовательно, современный международный правовой порядок предусматривает широкие персонативные возможности для обретения МНПО статуса субъекта МП. Воспользоваться ли этими правовыми возможностями или нет, зависит уже от самих МНПО, которые могут вполне ограничиться и лишь теми возможностями для международного сотрудничества, которые предоставляются национальными правовыми порядками для отечественных и иностранных юридических лиц. Аналогично ММПО для выяснения международной правосубъектности МНПО не-

обходимо обращаться к исследованию каждой конкретной МНПО в отдельности. Вероятно, это общая черта всех международных организаций в МП. Кроме того, правовая природа ММПО и МНПО схожа в том, что их правосубъектность носит функциональный характер и подчинена осуществлению конкретных целей.

При этом в МП нет каких-либо запретов на трансформацию национально-правового лица в международно-правовое лицо. Например, МККК изначально был учрежден в 1863 г. как национальное юридическое лицо по праву Швейцарии. В соответствии с целым рядом международных договоров и сложившихся затем норм обычного права в рамках международного гуманитарного права МККК обрел статус субъекта МП, сохраняя при этом персонативную правовую форму национального юридического лица. Постепенно государства стали предоставлять представительствам МККК на своей территории привилегии и иммунитеты, тождественные привилегиям и иммунитетам ММПО, т. е. как международному публичному юридическому лицу [10, с. 193–201]. И лишь по соглашению от 19 марта 1993 г. между Швейцарией и МККК [11, с. 184–192] последний обрел персонативную форму международного публичного юридического лица. Интересно отметить тот факт, что как социальный актор МККК состоит лишь из граждан Швейцарии, остался по своему составу национальным корпоративным образованием с международными целями уставной деятельности.

Другими примерами преобразования национальных юридических лиц в международные юридические лица служат случаи превращения МНПО в ММПО (Интерпол, Всемирная туристическая организация и др.), когда происходит изменение не только персонативной правовой формы, но и трансформация самого социального актора из негосударственного в межгосударственное корпоративное образование. На ещё одну возможность преобразования национального юридического лица в международное юридическое лицо указывает работа Вспомогательного органа по осуществлению Рамочной конвенции ООН по изменению климата, допускающего наделение секрета-

риата Конвенции международной правосубъектностью [12, пункт 58]. В этом случае трансформации социального актора не произойдет, так как он изначально носит межгосударственный характер, но оформлен как национальное юридическое лицо по праву ФРГ. При этом вновь образованное международное юридическое лицо будет, безусловно, являться уже оригинальным субъектом МП, обладающим возможностью обретения, в случае необходимости, комплементарной правосубъектностью по национальному праву. Все это подтверждает открытый, динамичный, плюралистический и демократический характер международно-правовой системы, самоорганизующейся и адаптирующей к сложнейшим условиям глобализации.

Выводы. Таким образом, персоналогический анализ юридической природы МНПО позволяет идентифицировать данных участников международных правоотношений в качестве комплементарных (дополнительных, факультативных) субъектов МП, действующих в пределах международного правопорядка в рамках своих уставных функций как оригинальных субъектов национального права, обладающих персонативной правовой формой национального юридического лица.

Список использованной литературы:

1. Parlett, K. *The Individual in the International Legal System : Continuity and Change in International Law* [Text] / K. Parlett. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – XLII, 413 p.
2. Portmann, R. *Legal Personality in International Law* [Text] / R. Portmann. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – XXIV, 333 p.
3. Тарасов, О.В. Міжнародно-правова персоналогія в контексті загальної правової персоналогії [Текст] / О.В. Тарасов // Проблеми законності. – 2009. – Вип. 101. – С. 202–208.
4. Тарасов, О.В. Международные неправительственные организации и международное право [Текст] / О.В. Тарасов : отв. ред. В.И. Евинтов. – Харьков : [б.и.], 1998. – 192 с.
5. E/1996/31 от 25 июля 1996 г. ЭКОСОС. Консультативные отноше-

ния между ООН и неправительственными организациями.

6. Santivasa, S. The NGO's Participation in the Proceedings of the International Court of Justice [Text] / S. Santivasa // Journal of East Asia and International Law. – 2012. – Vol. 5 (2). – P. 377–406.

7. Affaire du Rainbow Warrior [Text] // Annuaire français de droit international. – 1987. – T. 33. – P. 923–924.

8. European Convention on the Recognition of the Legal Personality of International Non-Governmental Organisations. Strasbourg, 24.IV.1986 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/124.htm>.

9. Lindblom A.-K. Non-Governmental Organizations in International Law [Text] / A.-K. Lindblom. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – XXII, 559 p.

10. Договір між Урядом України і МКЧХ про відкриття Місії МКЧХ в Україні від 5 грудня 1995 р. [Текст] // Лисик В.М. Правовий статус МКЧХ у міжнародному праві. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 193–201.

11. Угода між МКЧХ та Федеральною Радою Швейцарії про визначення правового статусу Комітету в Швейцарії [Текст] // Лисик В.М. Правовий статус МКЧХ у міжнародному праві. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 184–192.

12. FCCC/SBI/2001/9 от 18 сентября 2001 г. ООН. Рамочная конвенция об изменении климата. Доклад Вспомогательного органа по осуществлению.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОРЕГИСТРАТОРА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВИДЕОФИКСАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ С РАБОТНИКАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ МВД УКРАИНЫ

Елена ЧИЖИК,

соискатель кафедры административного, хозяйственного права и финансовой экономической безопасности юридического факультета Сумского государственного университета

Summary

The paper discusses the peculiarities of legal support of the data use recorded by the Registrar as evidence. The analysis of the Ukrainian legislation regarding the legality of the video fixing implementation in dealing with employers of State traffic Inspection of internal Affairs of Ukraine. With the aim to prevent violations provided by the state to citizens rights for fixing information, to further implementation of their protection, offered proposals on this issue.

Key words: videoregistrator, photo-, video recording, participant of the road traffic, the State traffic Inspection.

Аннотация

В работе рассматриваются особенности правового обеспечения использования данных, зафиксированных видеорегистратором в качестве доказательств. Осуществлен анализ украинского законодательства относительно правомерности осуществления видеофиксации действий в отношениях с сотрудниками Государственной автомобильной инспекции МВД Украины. С целью пресечения нарушений предоставленных государством гражданам прав по фиксации информации, для дальнейшего осуществления их защиты предлагаются обоснованные предложения по данному вопросу.

Ключевые слова: видеорегистратор, фото-, видеофиксация, участник дорожного движения, Государственная автомобильная инспекция.

Постановка проблемы. Активное внедрение новаций высоких технологий и научно-технического прогресса происходит во всех отраслях общественной жизни, в частности и в сфере безопасности дорожного движения. Функционирование автоматизированных баз данных, GPS- навигаций, использование специальных средств фото-, видеофиксации нарушений Правил дорожного движения, работающих в автоматическом режиме, автомобильных видеорегистраторов и т. п. позволяют быстро и качественно ориентироваться в дорожной обстановке на улично-дорожной сети, установить истину в случае дорожно-транспортного происшествия, а также в спорных ситуациях с другими автомобилистами и работниками Государственной автомобильной инспекции МВД Украины.

Поэтому с целью недопущения нарушения предоставленных государ-

ством гражданам прав по фиксации информации, для дальнейшего осуществления их защиты, а также для того, чтобы в дальнейшем избежать неправильного толкования правовых норм по данному вопросу необходимо рассмотреть правовую природу использования видеорегистратора участниками дорожного движения и осуществления видеофиксации в отношениях с работниками Государственной автомобильной инспекции МВД Украины.

Состояние исследования. Такими учеными, как В.Б. Аверьянов, А.М. Бандурка, А.К. Бессмертный, И.П. Голосниченко, Р.А. Калужный, В.К. Колпаков, А.Т. Комзюк, В.К. Шкарупа, уделялось значительное внимание вопросу административного принуждения в деятельности милиции, его видам и месту в системе государственного принуждения. В то же время, в частности в сфере безо-